

Мозг хочет писать, но тело говорит, что больше не может.

В рабочие дни, если не нужно работать, всё приносит радость, даже обновления пишутся с большим энтузиазмом, но в выходные приходится полагаться на алкоголь, чтобы взбодриться.

Фан Чзhi почувствовал, как снизу упёрся в него твёрдый, напряжённый предмет, колоть его в паху. Сун Чэнцин легким движением опустил подпорку, державшую окно, и с тихим стуком деревянная рама сомкнулась. В комнате стало немного темнее, но, так как она выходила окном на улицу, было не совсем темно.

Он приподнял одежду на Фан Чжи, принялся тереть соски на его груди, но тот вдруг рассердился, прижал его руку и не позволил целовать себя, с рыданиями обвиняя:

— Не дам! Ты всегда меня обижаешь, у-у-у...

Он всё ещё был расстроен и искал повод, чтобы выплеснуть эмоции.

Но Сун Чэнцин действительно остановился, убрал руку, продолжая целовать его губы, и нежно гладил волосы, ласково успокаивая:

— Хорошо, хорошо, не буду тебя трогать. Я обидел нашего Сяо Бао, это я плохой, это моя ошибка, не плачь хорошо? Сяо Бао сердце мне разрывает от плача...

Сун Чэнцин целовал и утешал его, держа его в объятиях, и, если бы не напряжение между его ног, Фан Чзhi действительно мог бы поверить ему. Он поплакал какое-то время, всхлипывая, затем поднял глаза на Сун Чэнцина.

Сун Чэнцин спросил:

— Что?

Фан Чзhi молчал, всё ещё сердитый, сердитый на себя и на Сун Чэнцина, губы надуты, как будто он не знал, что делать, и выхода совсем не было.

В конце концов, его прошибла жалость к Сун Чэнцину, которого он весь день донимал капризами. Они договорились поспать, но так и не уснули. Сун Чэнцин в последние дни часто ходил к тому дяде, вероятно, беспокоясь о войне на севере, а он всё ещё продолжал его мучить.

Фан Чзhi всё больше думал, что он ведёт себя неразумно, но слова уже были сказаны. Что же теперь делать? Подумав, он сам нашёл выход, медленно опустив руку и схватившись за член Сун Чэнцина.

Сун Чэнцин улыбнулся, обнял его и нежно потерся лбом о его:

— Что это ты делаешь? Разве не говорил, что не дам?

Лёгкий румянец появился на щеках Фан Чжи, и он тихо извинился:

— Это я плохой, ты такой уставший, а я целыми днями только и знаю, что плачу, заставляю тебя меня успокаивать... Изначально ведь это не твоя вина...

Говоря это, он снова надул губы.

Сердце Сун Чэнцина превратилось в мягкую тестообразную субстанцию. Какую же удачу он

имел, встретив такого человека? Он хотел всегда держать его рядом, давать ему всё самое лучшее, отдать всё, что у него есть, лишь бы он не был так расстроен в эту минуту.

— Чушь, наш Сяо Бао самый послушный, ты вовсе не плохой, это я неправ, не плачь, Сяо Чжи самый послушный, да?

Фан Чжи, икнув, покраснев, сказал:

— Тогда я помогу тебе.

Сун Чэнцин сглотнул, его голос стал хриплым, и он тихо отозвался на ухо Фан Чжи:

— Хорошо.

Фан Чжи лучше всех знал, как выглядит этот орган, но сейчас, просунув руку под его одежду, он вдруг струсил. Его веки нежно целовал Сун Чэнцин, и он, собравшись с духом, просунул руку глубже, ощущая жар, от которого его лицо покраснело.

Он обхватил его, но не знал, что делать, беспомощно подняв глаза на Сун Чэнцина, который начал двигать его рукой вверх и вниз. Он инстинктивно принялся тереть головку, и постепенно она стала влажной, выделяя липкую жидкость. Сун Чэнцин, тяжело дыша, кусал его шею и уши.

Фан Чжи почувствовал некоторое удовлетворение, его рука стала смелее, а другой рукой он нащупал мошонку под членом, поглаживая и мнуя её, затем тихо прошептал на ухо Сун Чэнцину:

— Приятно тебе?

Сун Чэнцин не дал ему говорить, поцеловав его мягкие губы, заставляя его тяжело дышать, глаза наполнились влагой, а рука продолжала двигаться, возбуждая его член. Хотя он чувствовал стыд, он также радовался, что доставляет Сун Чэнцину удовольствие.

Но время шло, и радость исчезла. Рука устала, губы были вот-вот искусаны поцелуями, он хмурился, бормоча прося пощады:

— Уже всё? Ты побыстрее можешь?..

Сун Чэнцин, услышав это, потерял часть возбуждения, с усмешкой прижался к его губам, невнятно сказав:

— Не разговаривай...

Прошло ещё неизвестно сколько времени, и, наконец, всё закончилось, член дёргался, выплёскивая жидкость на руку Фан Чжи, которого сверху целовали, а снизу прижимали руку, чтобы принять всю эту белую густую массу.

С кислым выражением лица он поднял руку, и жидкость потекла по ладони к запястью. Сун Чэнцин смеялся, смеясь, вытер её платком, прижимая к себе, лаская, держа лицо Фан Чжи в руках, касаясь уголков его глаз, время от времени целуя.

Фан Чжи, смущённо запрокинув голову, сказал:

— Поцелуй.

Сун Чэнцин наклонился, и их языки снова переплелись. За окном уже наступил вечер, и этот день, полный слёз и утешений, наконец, позволил выговорить то, что лежало на сердце. Сун Чэнцин почувствовал облегчение, решив, что в ближайшие дни нужно будет ещё сильнее баловать этого человека.

Обычные дни всегда проходят медленнее. Зимой люди становятся ленивыми, не любят выходить из дома и жалуются, что зима слишком долгая, а весна с её цветами всё не наступает, мечтая только о прогулках.

Но как только становится известна дата расставания, дни начинают отсчитываться один за другим, становясь всё меньше.

Автору добавить нечего.

Фан Чзhi стал особенно капризным и плаксивым. Обычно он всегда прилипал к Сун Чэнцину, но с приближением дня расставания он не мог оставаться один ни на минуту. Если его не было рядом, он начинал дуться, тайком вытирая слёзы, что заставляло Сун Чэнцина страдать. Он понимал, что это было способом выплеснуть эмоции, и продолжал баловать его, делая всё, что хотел Фан Чжи.

Солнечных дней становилось всё больше, и часто, открывая глаза, они видели яркий свет за окном. Сун Чэнцина заставляли спать с ним до упаду, Фан Чжи в последнее время был меланхоличен, улыбка редко появлялась на его лице, и Сун Чэнцин предложил воспользоваться хорошей погодой, чтобы сходить прогуляться.

Раньше Фан Чзhi сразу бы обрадовался и потянул его за собой, но сейчас он не торопился вставать, уткнулся лицом ему в грудь, прячась, и скучно сказал, что хочет ещё немного поспать.

Сун Чэнцин обнял его, похлопывая по спине, и нежно уговаривал:

— Сяо Бао, тебе что-то плохое приснилось ночью? Почему открыл глаза и сразу начал капризничать?

Фан Чзhi не смотрел на него, сжал кулак и ударил его по груди, сердито сказав:

— Приснился ты, большой негодяй!

Сун Чэнцин засмеялся, схватил его руку и стал гладить, шепча ему на ухо:

— Этот большой негодяй опять тебя обидел? Надо наказать!

Человек на его груди рассмеялся, терясь носом о его воротник, бормоча:

— Хм, ты ко мне совсем плохо относишься.

Это была явная ложь, он просто пользовался тем, что Сун Чэнцин баловал его и не позволял ему страдать, и теперь ещё больше оговаривал его.

Сун Чэнцин шлёпнул его по заднице под одеялом, сказав:

— А кто этот маленький негодяй, который целыми днями то того просит, то этого, нормально ходить не может, и мне приходится всё время его таскать на руках? Я плохо к тебе отношусь? Завтра я тебя продам, мм, тому старику на рынке, что сахарные фигурки продаёт, пусть ты

будешь у него приёмным сыном, раз ты так любишь сахарные фигурки, пусть он к тебе хорошо относится... мм!

— Ты врешь! — Фан Чзhi поднял голову, надув губы, и закрыл ему рот рукой. Сун Чэнцин, с закрытым ртом, посмотрел на него сверху вниз, его глаза улыбались, а Фан Чзhi нахмурился, поцеловал его через свою руку и начал капризничать:

— Ты врешь... Ты не можешь продать меня тому старику, я... я... я буду болеть зубами, если съем слишком много сахарных фигурок... Ты разве не пожалеешь меня, если у меня заболят зубы?

Сун Чэнцин на этот раз не смог сдержаться и рассмеялся, убрал руку с его рта, чтобы поцеловать его, смакуя облизывая губы Фан Чжи:

— Я так, я должен тебя продать тому деду, у которого барабаны продаются. Разве ты не говорил, что у него барабаны красивые? И говорил, что как-нибудь всё у него купишь...

Тот, кого он прижимал, молчал, бормоча и стуча по нему кулаком, но его сила была как щекотка. Сун Чэнцин схватил обе его руки и прижал к изголовью, опустив голову, чтобы посмотреть на него. Их взгляды встретились, лбы соприкоснулись, они нежно терлись щеками, и, видя, что он молчит, Сун Чэнцин спросил:

— М? Говори, хорошо?

Мозг хочет писать, но тело говорит, что больше не может.

В рабочие дни, если не нужно работать, всё приносит радость, даже обновления пишутся с большим энтузиазмом, но в выходные приходится полагаться на алкоголь, чтобы взбодриться.

Автору добавить нечего.

<http://bllate.org/book/16757/1540583>